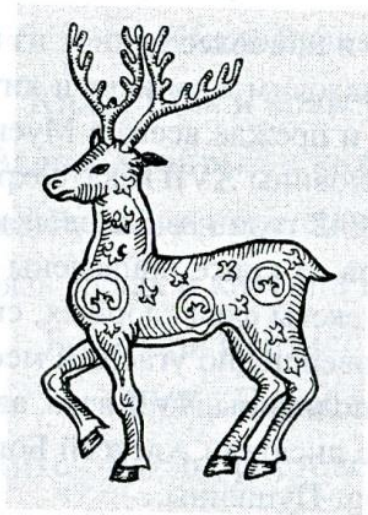

Сказання Ростова Великого,

записанные
Александром Артыновым

Издание второе дополненное

Москва 2007

ББК 28.04
С 42

Литературная обработка текстов, комментарии, вступительная статья выполнены академиком Международной Славянской, Петровской и Русской академий наук, профессором, доктором филологических наук *Юрием Константиновичем Бегуновым*.

Сказания Ростова Великого, записанные Александром Артыновым. Составление, предисловие, комментарии Ю.К. Бегунова. Изд. 2-е дополненное. — М.: Белые альвы, 2007. — 368 с., ил. ISBN 5-7619-0266-4

Все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора находим в записях и литературной обработке А.Я Артынова и прежде всего в Мусин-Пушкинском сборнике второй половины XVII века, сохранившемся в пересказе Артынова 1842 года и в белой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В книге приведены в пересказе на современный язык тексты фольклорных, сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

ББК 28.04

ISBN 5-77619-0266-4

- © Бегунов Ю.К., составление, предисловие, комментарий, 2007.
- © Пресняков М.А. иллюстрации, 2007.
- © Благотворительный Фонд Духовной Культуры, 2007.
- © Белые альвы, 2007.

Ростов Великий и ростовский сказочник Александр Артынов

Между полноводной Волгой и старопрестольной Москвой есть большое овальное озеро, богатое рыбой и илом. В народе его зовут Неро, или Каово, а чаще всего — Ростовским. В его водах в ясную погоду отражаются золотые купола с крестами и разноцветные маковки церквей, башни и стены с зубцами величественного кремля. Это Ростов Великий. Кремль, построенный в XVII веке при митрополите ростовском Ионе Сысоевиче, и сегодня воспринимается как застывшая музыка древнерусской архитектуры. Не только архитектура, но и фрески, живопись, иконы, старинная утварь и книги, которых много хранится в ростовских музеях и архиве, — все напоминает о том времени, когда здесь было богатое и могучее Ростовское княжество. Из того времени дошли до нас древние ростовские книги — средоточия народной мудрости и красоты, дошли, благодаря подвигу собирателей, археографов и фольклористов.

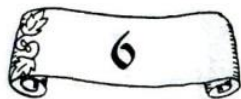
Заглянем в «Повесть временных лет». В ней рассказывается, что, приняв власть над Северо-Западной Русью, конунг Рорик Ютландский, или князь Рюрик, стал раздавать в управление своим мужам Русские города. В числе их под 862 годом упомянут и Ростов. Второй раз город упоминается в той же летописи под 907 годом, на этот раз в договоре киевского князя Олега Вещего с греками как город, получающий дань!

А основан «Россов стан» был еще раньше в земле мери, финно-угорского племени, вероятно, в IX или даже VIII веке словенскими ильменскими, предприимчивыми и смелыми людьми, создателями и хранителями веча и первого народного государства. Только местное предание и «История российская» В.Н. Татищева сохранили

имя основателя Ростова: князь Владимир Яналец. Ростовцы, считавшие себя младшими братьями новгородцев, издревле возлюбили свободу и дорожили ею, считали городское вече и своих князей своими заступниками. К сожалению, документы не сохранили имен первых ростовских князей, они остались только в преданиях. Лишь с XIII века известно достоверное историческое лицо. Это ростовский князь Константин Всеволодович (1212-1220), сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, внук Юрия Долгорукого, правнук Владимира Мономаха. От князя Константина пошли многочисленные ростовские удельные князья: Бахтеяровы, Брюхатые, Буйносовы, Гвоздевы, Голенины, Лобановы, Немые, Приимковы, Темкины, Хохолковы, Щепины и другие. Один из них, князь Александр Борисович Ростовский, в 1470 году «продал» Ростов московскому великому князю Ивану III. Ростовское удельное княжество окончательно перестало существовать, войдя в состав Московского централизованного государства. И все же ростовцы сохранили свои местные культурные традиции, литературу, фольклор. Этот ростовский фольклор был заботливо собран и литературно обработан крестьянином Александром Яковлевичем Артыновым (1813-1896), жителем села Угодичи, находящегося в пяти километрах от Ростова, через озеро.

Сказочник-собираатель принадлежал к роду в прошлом крепостных крестьян, который берет начало от Торопки Голована, слуги ростовского князя Бориса Владимировича. Князь был убит 24 июля 1015 года по наущению князя Святополка Окаянного на берегу реки Альты, близ Переяславля Южного. Торопка прискакал с печальной вестью в Ростов Великий, с тех пор его прозвали «Альтин». Один из Альтиных, Васька Вихорь, в 1613 году участвовал в поимке на реке Яике атамана донских казаков Ивана Мартыновича Заруцкого, принимавшего участие в «смуте» на стороне Лжедмитрия II. Вихорь-Альтин переменял свое прозвище на «(М)артынов».

До наших дней сохранилась, благодаря ростовскому историку-краеведу А.А. Титову, часть творческого наследия Артынова — более 80 рукописных книг, содержащих 50000 листов текста. Весьма разнородный этот материал можно разделить на несколько групп: записи подлинных фольклорных и древних исторических и литературных текстов; пересказы подобных же текстов; переработки и

переделки тех же текстов в целях создания сводных литературных текстов; исторические сочинения (местные ростовские летописцы, сказания о князьях, их родословные и пр.), созданные на основе известного ему местного материала; литературные сочинения (одна-две повести) и несколько десятков стихотворений и поэм, созданных А.Я. Артыновым.

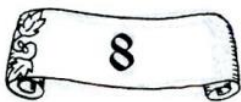
Классифицировать рукописный материал Артынова сравнительно легко, так как ростовский собиратель и книжник отличался высокой порядочностью в отношении используемых им материалов: он всегда указывал в подстрочных примечаниях, в комментариях и предисловиях, откуда взят материал, кто, что и когда послужило источником. Однако имеются и затруднения. До встречи в 1869 году с профессором М.П. Погодиным Артынов не знал, что источники надо цитировать полностью, и не сохранил точных копий бывших в его руках уникальных историко-литературных материалов: Мусин-Пушкинского сборника, Трехлетовского и Хлебниковского летописцев. Сохранился лишь подробный пересказ текста Мусин-Пушкинского сборника, содержащего 120 уникальных сказочных повестей, основанных на местном фольклоре XVII века и старше (рукописи РЫБ, из собрания А.А. Титова, № 4131 и 4132. 1887-1888), а также краткие пересказы Хлебниковского и Трехлетовского летописцев (рукопись РНБ, из собрания А.А. Титова, № 4580. 1878-1879) и некоторых документов.

Сказочные повести Артынова — это в общей сложности несколько сотен неизданных текстов разной ценности. Их необходимо исследовать и ввести в научный оборот, так как они содержат первоклассный материал как для историков фольклора, так и для историков древней русской литературы, а также для этнографов. Однако здесь есть одна особенность. Если эти сказочные повести сочинил Артынов, то они могут рассматриваться только в ряду лубочной литературы XIX века. Но если Артынов не сочинял, а составлял сводные тексты из услышанного и записанного, тогда ценность его наследия возрастает. Установить источники и отслоить хронологически этапы его работы — задачи исследователя. Ведь Артынов, что весьма существенно, не только пользовался указанными тремя литературными сборниками XVII-XVIII веков, но и сам записывал фольклор.

Ведя крестьянский образ жизни, А.Я. Артынов тем не менее не был типичным крестьянином. Он, очевидно, принадлежал к крестьянской интеллигенции России. Взяв на себя роль историка Ростова Великого, Артынов нажил себе довольно много врагов, которые не считали его труды серьезными и закрывали ему дорогу к научной деятельности, к публикациям, признанию. Будучи скромным человеком, Артынов говорил, что пишет для себя, для сына Якова, для внуков Саши, Миши и Сережи. Но втайне хранил надежду, что когда-нибудь его рукописи пригодятся народу. И современники заметили его подвижнический труд еще при жизни собирателя. Село Угодичи сделалось местом паломничества любопытных. Историко-этнографический очерк о селе Угодичи выдержал пять изданий, увидели свет и два предания XV века об архиерейской шапке Иоасафа Оболенского и о попе Георгии Скрынице в «Ярославских епархиальных ведомостях». Однако основные книги Артынова остались в его архиве. Большая часть архива сохранилась благодаря купцу-миллионщику и историку-краеведу А.А. Титову, который с 80-х годов XIX века покупал у Артынова его рукописи по 50 рублей серебром за штуку. Позднее Титов воспользовался богатым материалом Артынова для создания своих научных работ: «Воржская волость. Исторический и статистический очерк», «Ростовская старина. Вып. 1», «Предания о ростовских князьях», «Ростовский уезд Ярославской губернии», «Велесово дворище и легенда о жреце Киче» и др.

После смерти А.А. Титова в 1911 году его большие библиотека и архив, куда входили и рукописи Артынова, были разделены на части и в настоящее время хранятся в Российской Национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Ростовском музее и в Государственном Историческом музее в Москве.

Александр Яковлевич Артынов работал до последних дней. Когда он ослеп, то диктовал свои труды сыну Якову и внуку Сергею. 17 февраля 1896 года А.Я. Артынов скончался и был похоронен в Угодичах возле Богоявленской церкви. Александра Яковлевича Артынова, чей подвиг как собирателя русского фольклора еще недостаточно оценен и осмыслен, можно по праву назвать достойным продолжателем традиций русской лубочной литературы и народной книги XVII-XVIII веков, подвижником среди собирателей фольклора.

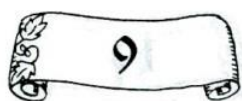

Его сказки помогут читателю открыть окно в исчезнувший духовный мир Древней Руси, узнать о приключениях русских богатырей-князей, совершавших подвиги ради свободы родной земли, во имя торжества добра и справедливости, в честь прекрасных красавиц. Он узнает о деяниях старцев-подвижников вроде Авраамия и простолюдинов вроде Ивашечки-с-Крошечку. Он почувствует мудрость правды, которая пронизывает действия благородных князей и прекрасных княжен, богатырей-поляниц, добрых волшебников и волшебниц. Он узнает о космогонических и географических представлениях людей Древней Руси, искавших земной и небесной мудрости, которых объединяет служение нравственной красоте и доброте, олицетворяемой во Святой Руси. Читая артыновские тексты, невольно воодушевляешься высокой нравственной чистотой, которая присуща героям сказочных преданий, поражаешься их возвышенностью, искренностью и глубиной чувств, верностью любви и дружбе, родной земле. Пленяет сочный выразительный язык, в котором чувствуется древнее начало. А.Я. Артынову удалось сохранить в своих текстах немало подлинных фольклорных черт, искони свойственных древнему народному сознанию.

Чрезвычайно необходимо издать все лучшее и наиболее ценное из произведений русского фольклора в записях и литературной обработке А.Я. Артынова и прежде всего Мусин-Пушкинский сборник второй половины XVII века, сохранившийся в пересказе Артынова 1842 года и в белой копии этого пересказа 1887-1888 годов. В ней приведены в пересказе на современный язык тексты 120 полуфольклорных, полулитературных сказочных повестей забытой у нас, совершенно угасшей местной культурной традиции второй половины XVII века, авторами которых были малоизвестные писатели Алексей Богданович и Ирина Михайловна Мусин-Пушкины.

В данной книге представлена лишь небольшая часть сказочных повестей и исторических преданий, сохранившихся в архивах А.Я. Артынова.

Ю. Бегунов, академик

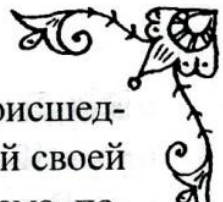

Преподобный Авраамий Ростовский

От Рождества Христова 1003 лета (203)

Современник ростовского князя Бориса Владимировича, подвижник и просветитель Ростова Великого, основатель первой обители в честь святого Богоявления в здешнем краю — таков был преподобный Авраамий. Известный высокими личными качествами, он более всего обязан был покровительству великого князя Владимира и сына его, ростовского князя Бориса Влади-

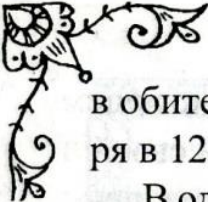

мировича. Поводом этому послужила одна встреча, происшедшая тогда, когда преподобный Авраамий из уединенной своей хижины с берегов реки Пиги, с развалин Иверцова терема, переселился в такие же развалины на берегу Ростовского озера, в Чудском конце, близ почитаемого ростовцами больше всех богов идола Велеса (204). Авраамий был посвящен в игумены обители много времени спустя после отъезда из Ростова великого князя Владимира. Велеса же ростовцы не оставляли чтить и после крещения. Этого идола они тщательно спрятали от всеразрушающей руки Владимира. А при розыске ростовцы хранили глубокое молчание. По уходе же из Ростова третьего епископа Иллариона престол ростовский был пуст до прихода святого епископа Леонтия Ростовского (205). Поэтому некому было позаботиться о пастве и бороться с идолопоклонством.

Но вернемся же к Авраамию. Вначале преподобный Авраамий известен был под именем Иверка, или Иверца, прозванный так по месту первобытного своего жительства. Близкое соседство с идолом Велесом не нравно было преподобному, равно как и творимое ему чествование. Не истребить, а только удалить с этого места идола Велеса не мог решиться даже местный князь Борис Владимирович. Избегая всеобщего восстания, он выжидал, полагая, что время само собой образумит ростовцев.

Но однажды все скоро свершилось по воле преподобного. В одну ночь преподобный Авраамий получает во сне извещение от Бога идти ему в Царьград за жезлом святого апостола Иоанна Богослова, которым он потом сокрушит идола Велеса. Преподобный, невзирая на свои преклонные лета, немедленно решает идти в столь далекий путь и на пути своем встречает мужа благоговейного, лысоватого, с длинною бородою. Это был святой апостол Иоанн. Этот муж и вручил преподобному нужный ему для сокрушения идола жезл. Впоследствии святой по слову апостола и сокрушил им идола Велеса и заложил на том месте церковь каменную в честь святого Богоявления

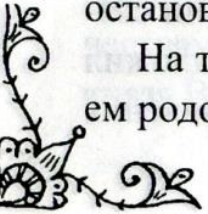
в обители своей в Чудском конце, в лето 6518 (1010), сентября в 12-й день, а вместе с нею и келии для иноков устроил.

В одно время князь Борис Владимирович по обычаю своему пришел посетить преподобного Авраамия в его келью, но того в ней не оказалось. Один из бояр княжеских к удивлению своему видит святой Животворящий Крест Господень, лежащий на умывальнике.

Он сказал о том князю, и тот немедленно с благоговением снимает крест с умывальника и кладет на приличное место. Едва он это сделал, как из умывальника пошел густой черный дым, такой, что все испугались. Освободившийся дух грозил отомстить и скоро исполнил сказанное: пришел в виде воина и оклеветал преподобного в городе Владимире — на Клязьме — туровскому князю Святополку Владимировичу, сыну великого князя Владимира Святого (206). Святополк был в это время там вместе с отцом своим великим князем Владимиром. Будущий братоубийца, жадный к добыче сокровищ, оказался достойным такого доносчика. И он от имени великого князя, но без его ведома посылает тайно воина привести к нему старца, в чем обрящет. Грядня великокняжеский Дикун Золотой Пояс узнал тайно об этом посольстве. Хорошо зная и князя, и преподобного, он хотел было предупредить князя Бориса, но не успел: воин прежде прихода Дикуну в Ростов ночью взял старца с молитвы и повез его на кобылице с поруганием.

Не славен был выезд преподобного из Ростова во Владимир: в одной сорочке и ветхом верхнем рубище. В самом начале пути воин делал преподобному различные пакости: переехавши реку Сулость, идя мимо терема князя Нагиба-Зори (207), холопы его, кощунствуя над преподобным, сидящим на кобылице, бежали за ним до самой калиновой рощи (208), изрыгая хульные слова. Преподобный помолился втайне и, обратясь к ним, велел им остановиться и ходить на одном месте туда и сюда (209).

На том же пути молодой князь Алатырь, живущий в своем родовом тереме, стоящем на высоком берегу текущего по

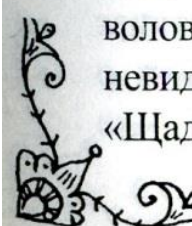

камушкам ручья (210), просил воина уклониться со старцем к нему на трапезу и принять от пути отдохновение, но воин этому воспротивился, ограждая спешность свою строгим повелением великого князя немедленно поставить виновного мниха перед собой, в чем обрящет его. И едва дозволил тот воин утолить старцу жажду. Отселе князь Алатырь дал брашна на путь до самого города Владимира старцу тому, но жестокий воин пожрал оное сам и стал ускорять путь их, погоняя спешно и кобылицу старцеву.

Преподобный был изнурен донельзя от поста и одряхлел от несродной ему езды верховой. Он стал молить воина не спешить так в пути, но ответом на это были ругательства и укоризны старцу и большие пакости. Тогда преподобный вздохнул из глубины сердца и без ропоту помолился Богу укрепить его в том пути. Вдруг невидимый голос сказал: «Щади старца сего!» Но воин не обратил на это никакого внимания, думая, что это голос пасущего тут стадо пастуха.

Близ того места жили земледельцы князя Алатыря. Они вышли из хижин своих посмотреть на невиданного всадника, весьма утомленного и едва сидящего на кобыле своей. В это время воин слышит вторично голос невидимый: «Щади старца сего!» Но тот и на этот раз не обратил никакого внимания. Думая, что этот голос исходит от земледельцев, стал тот воин ускорять путь их ударяя бичом коней. Старец от истощения сил готов был тут же пасть на землю. В это самое время среди дремучего леса воин слышит в третий раз все тот же невидимый голос: «Муже грозный! Горе нещадившему старца!» И с этим словом невидимая сила восхищает воина с коня его и повергает его ниц на землю к ногам кобылицы старцевой. Обнаживши хребет его, невидимая сила стала бичевать его жестоко воловьими бичами, которые были видимы, а бичующие были невидимы. И тот же голос повторял при каждом ударе бича: «Щади старца!».

На крик бичуемого воина сбежались косари, косящие близ этого места заповедные луга князя Лазаря Силобоя. Они, к удивлению своему, видят такое дивное бичевание: бичи видят, голос слышат, а бичующих не видят! Жестокие раны на теле воина, однако, всем были видимы. От них воин едва остался живой, уже не имея в себе гласа. Видя это, преподобный умилился и стал творить молитву о пощаде воина. Молитва его услышана была, бичевание прекратилось, бичи повержены были на землю подле воина.

Косари князя Лазаря принесли воина к терему. На пути том умирающий от жажды воин просил пить у несущих его косарей. Преподобный среди чистого поля встал на молитву и извел из земли источник ключевой воды (211), которой утолили все бывшие тут жажду свою. С великой честью князь Лазарь принял в дом свой преподобного, а на месте бичевания пожелал построить церковь (212).

Очные ставки во Владимире у князя Святополка с доносителем поразили князя великим страхом. Тут он стал просить у старца прощения в вине своей против него. Преподобный был не злопамятен: скоро простил его и, поучив его довольно христианским добродетелям, в заключение всего сказал ему: «Если ты, княже, не хочешь быть Каином, а хочешь кончить мирно жизнь свою, то седи в своем граде Турове, удались туда и не помышляй о стольном Киеве до урочного времени. Там много прольется невинной крови, беги из Киева!»

Князь Святополк поклялся исполнить это и не исполнил: стал братоубийцею князей Бориса, Глеба и Святослава.

Совершившееся чудо с доносителем и клеветником дошло скоро и до великого князя Владимира, который пожелал видеть такого мнимого виновника. От преподобного он узнал о том, что делается в Ростове, щедро наградил старца златом и серебром на сооружение ему в Ростове общежительной обители по образцу Валаамского общежития. Прилучившийся тут митрополит киевский Михаил по обычаю Греческой зем-

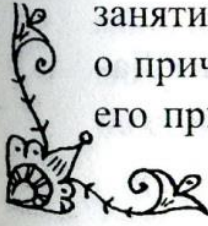
ли поставил преподобного Авраамия в архимандриты обители той, и он стал быть первым архимандритом на Руси (213).

Во время бытности преподобного во Владимире приехал к великому князю сын его князь Святослав Владимирович из своего Деревского удела, которому преподобный велел загладить бешеный поступок его молодости молитвою и постом. Это до того поразило князя Святослава, что он оставил все мирское и прилепился к преподобному Авраамию. Последний взял его с собой в Ростов. Первоначально князь поселился в своем тереме, стоящем на самой возвышенной окраине Ростовского озера, построенном знаменитым Потанею для своей дочери Прилепы, супруги рыбака Вадима. Потом преподобный поселил Святослава в уединенную хижину среди дремучего и непроходимого бора на берегу реки Нерли (214). Впоследствии князь этот основал себе обитель при слиянии рек Ухтомы и Копырки (215).

Возвратный путь преподобного Авраамия из города Владимира в Ростов был весь непрерывной цепью торжества его и чудес. При вступлении его в Ростовскую область при переправе чрез реку Суходонку встретил его богатырь великого князя Владимира Мальфред у своего боярского терема, называвшегося «Романцев терем» и находившегося при впадении этой реки в реку Ухтому.

Мальфреду преподобный предрек скорый путь в Киев и почетную шубу с плеча княжьего.

Мальфред был сыном ростовского великокняжеского наместника Яна Ушмовича, который приехал в Ростов отыскивать племянника своего, сына сестры своей супруги Буй Годеновича. Теперь он захотел узнать от преподобного, жив ли нет похищенный у сестры младенец. Преподобный Авраамий, видя идущего к нему Мальфреда, оставил все свои занятия, пошел с ним в свою келью и там спросил у него о причине прихода его. Тот рассказал ему, что понудило его прийти к нему. Преподобный отвечал: «Отыскиваемый

тобой младенец похищен был знакомым тебе человеком, о имени которого я умолчу. Он теперь приносит чистосердечное раскаяние за содеянное зло младенцу тому, которого он бросил в дремучем лесу на голодную смерть или растерзание лютым зверям, но Провидение спасло его. Теперь он живет у вас в Киеве, усыновленный Александром Поповичем, под именем Дикун Золотой Пояс. Поди ко князю Борису: к нему теперь только въехали во двор из Мурома от брата его князя Глеба два витязя и товарища, крестные сыновья князю Борису Владимировичу: один — Вадим Бесстрашный, а другой — Дикун Золотой Пояс».

Не пропустил преподобного мимо своего терема и князь Лазарь Силобой. Старец поздравил его с новорожденным сыном, о котором князь ничего не знал.

Продолжая свой путь далее, повстречался преподобный с новгородским тысяцким боярином Константином, предрек ему в зятя Кудима, Лазарева сына.

Боярин Константин Добрынич был современником и сотрудником словом и делом князю Борису, любимцем брата его князя Ярослава. Он жил на восток от города Ростова среди прелестной поляны, окруженной чернолесьем, с меньшей дочерью своей Марией, о которой и было предсказание преподобного. Константин принял его за истину и остался им доволен. Спустя некоторое время пришел боярин Константин в недоумение о женихе своей дочери, кто он такой. Ведь и у недалекого соседа князя Лазаря Силобая были разных возрастов сыновья, но среди них Кудима не было. Князь же Борис Владимирович часто бывал у боярина Константина. Он знал пророчество преподобного Авраамия и заключил о нем так: по неимению в Ростове иного князя Лазаря с сыном Кудимом, должно им быть непременно или в Киеве, или в ином каком уделе.

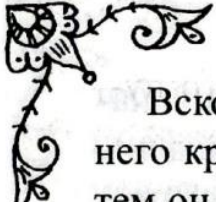
Преподобный Авраамий продолжил свой путь и имел откровение от пути своего в убогой хижине дровосека Лазаря, благочестивой жизни. Преподобный предрек сыну его

счастливую жизнь в лесу, куда велел отпустить его, когда настанет к тому время (216). Пробыв у них чуть не целый день, преподобный продолжал путь свой далее. На закате солнца пришел он в волость Угожь. И там отнощевал на высоком холму под столетними деревьями. Поутру на месте том по довольной молитве водрузил свой страннический жезл (217). И оттоле пошел на берег озера где живущие тут рыболовы ловили мрежами рыбу (217). Они же, ощутив приход преподобного, стеклися к нему, молили Авраамия сказать слово им на пользу душ. Преподобный сел на преддверии церковном святых мучеников Кирика и матери его Улиты и прорек к ним поучительное слово о Боге и о его премудрых делах: *«Дивно совершающихся в людех в пример поставим себя»*. И стал рассказывать им от юности своей мирскую жизнь свою.

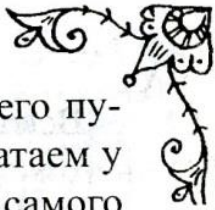

По его словам, место рождения его была сторона Чухломская. Сын богатого земледельца, он был болен всем телом от самых юных лет своих до лет совершенных; пищей его было одно молоко. Ходебщики с различными товарами, новгородские и ростовские, часто посещали дом богатого отца его и некоторое время жили у него в доме, там продавали свои товары. Они рассказали юноше одни — новгородские, а другие — ростовские дивные события вновь водворенной христианской веры. И о том, какие дивные чудеса творятся поклонниками этой веры. Такие рассказы пленили молодого чухломца, особливо когда новгородцы рассказывали о чудной жизни отшельника Мунга-Германа на острове Валааме, лежащем на море Нево, и о том, какие неисцелимые болезни целит Мунга-Герман словом одним своим. Ростовцы рассказывали о своем, о жизни Демьяна Куденевича, о детях и внучатах. По рассказам самого Демьяна, есть у греков дивная гора Афон, на которой живет целое царство таких отшельников, как Мунга-Герман. Все помыслы молодого чухломца сосредоточились на том, чтобы вести самому такую жизнь, какую вел Мунга и подобные ему иноки, но слабое здоровье препятствовало ему в этом.

Вскоре он почувствовал в себе перемену. Чем больше у него крепло желание быть последователем Мунги-Германа, тем он становился здоровее. И это дошло, наконец, до того, что он совершенно выздоровел и освободился от многолетней болезни своей. Находясь в новом своем положении, он не знал, где найти ему Мунгу и где находится море Нево. Одной ночью слышит он во сне невидимый голос, повелевающий ему идти в пределы Ростова Великого. Путеводительницей и питательницей его в том пути стала лань. Молоко ее и дикорастущие плоды и корни некоторых трав были его ежедневная на том пути пища. Таким образом, оставил он дом отца своего и последовал за ланью от самого дома родительского до пределов Ростова Великого. Там лань привела его на берег реки Пиги к небольшой хижине, стоящей между вековыми деревьями на развалинах великого древнего здания, по которому туземцы дали ему имя Иверк.

Однажды видит он недалеко от своей хижины, к великому своему удивлению, стоящую передним лань, от которой разбегаются в разные стороны бывшие тут волки. Видя это чудо, Иверк идет туда и видит на земле спящего младенца. Он берет его на руки, тот пробуждается и начинает плакать, но обильное молоко лани скоро успокаивает его. В скором времени после этого Иверк сидел на пороге своей хижины и держал на коленях найденного им младенца, только что накормленного молоком лани, которая кротко стояла подле Иверка. В это время подходит к нему богатырь великого князя Владимира Александр Попович (219), охотившийся в той стороне. Он спрашивает у Иверка, кто он и кто его младенец. Получив от Иверка на то и другое удовлетворительные ответы, богатырь удивился жителю дремучего леса и младенцу его, избавленному им от зубов лютых зверей или голодной смерти. И при этом дивится, смотря на лань Иверка. Последний стал просить его показать путь к городу, потому что путеводитель его лань нейдет никуда далее этой хижины.

Тут Александр Попович не только что взялся быть его путеводителем по Ростову, но и вызвался быть ему ходатаем у князя Бориса, если что нужно будет ему. А для него самого предложил он светлицу в своем доме.

Итак, Иверк поселился со своим найденышем в доме Александра Поповича, где младенца окрестили по христианскому чину и дали ему имя Александр, а прозвали его Дикун Золотой Пояс (220). Восприемником его от купели стал князь Борис Владимирович. А усыновил его себе Александр Попович.

Вскоре после этого Иверк от епископа ростовского Иллариона принял и сам святое крещение и ушел в Великий Новгород, а оттоле на остров Валаам и общежитие, устроенное Мунгой-Германом, который наставлял нового инока, принявшего имя Авраамий. Здесь научился он всему иноческому житию, находясь там немалое время, доколе невидимый голос не послал его обратно в Ростов, бедствовавший без пастыря словесных овец, и повелел ему быть там просветителем закоренелых язычников ростовских. Авраамий послушался этого голоса, пришел в Ростов и поселился в пустыне, в прежней своей хижине, на берегу реки Пиги, отколе по воле князя Бориса Владимировича переселился он в Чудской конец, на берег Ростовского озера, где и основал в малом виде общежитие, подобное Валаамскому.

Этим закончил преподобный речь свою о себе угожанам, спеша в оставленное им общежитие свое.

Придя из слободы Угожь в обитель свою Богоявленску на Чудском конце, преподобный Авраамий стал неустанно трудиться по созиданию киновии. Его неусыпные труды не пропали даром. Небогат, но славен стал своими достославными трудами и просвещением Авраамиев монастырь в Ростовской области и засиял ярче всех жемчужин в короне веры Ростовского благочестия. Многие люди приходили сюда с верой и надеждой на спасение, хваля и славя милостивого Бога и Пречистую Его Матерь и преподобного Авраамия.

